

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ СЕПИРА-УОРФА И ЕЁ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В РАБОТАХ М.К. ПЕТРОВА

Д.К. Куликов

Таганрогский технологический институт ЮФУ

Аннотация: *Статья посвящена анализу и методологической оценке гипотезы лингвистической относительности, данной в работах крупного ростовского философа – М.К. Петрова. Показано, что обращение Петрова к этой теме не является лишь эпизодом в контексте проблем языка и познания, но образует определенный узловой пункт в теоретикометодологической конструкции. Показано, что критическое отношение к гипотезе Сепира-Уорфа в работах Петрова сосредоточено вокруг ее оценки как парадигмального явления в науке и как теоретической формы самосознания европейской культуры. Проанализировано методологическое значение вводимой Петровым дихотомии частной и общей теории лингвистической относительности.*

Ключевые слова: *лингвистическая относительность, знаковые системы, тезаурус.*

1. Гипотеза лингвистической относительности и ее тезисы.

Американский лингвист и этнограф Э. Сепир пришел к заключению о фундаментальном влиянии языка на представления и поведение индивида. Эта идея была подхвачена его последователем Б.Л. Уорфом и легла в основу разработанной в 1930-е годы *гипотезы лингвистической относительности*. Согласно этой гипотезе мысленное членение мира и формирование системы понятий, посредством которых постигается мир, происходит в соответствии с системой категорий естественного языка, которым пользуются субъекты познания.

Э. Сепир полагал, что языки – это способы выражения социальных миров разных социальных групп. «Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками»¹. Развитие гипотезы привело к заключению, что тип языка определяет не только формы поведения языкового коллектива, но в целом и тип культуры, и тип мышления. В общей своей формулировке гипотеза имеет две версии: слабую и сильную.

¹ Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Языки как образ мира/ Э. Сепир. – М. – СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 131.

Согласно *слабой версии гипотезы* лексика и грамматика *вливают* на представления, коррелируют с ними. Например, у индейцев хопи есть одно существительное для обозначения все летящих предметов, кроме птиц: насекомых, самолетов и летчиков. Для птиц существует другое существительное. В европейских языках мы используем разные слова для различных классов летящих объектов. Эскимосу слово «снег» показалось бы обозначением слишком широкого класса. У эскимосов есть разные слова для обозначения снега: для падающего, для талого и для сухого снега².

Сильная версия гипотезы представляет позицию *лингвистического детерминизма*: язык (структура лексики, грамматика) – это *причина* наших представлений и мышления. «Формирование мыслей – это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других – весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании»³.

Экспериментальные исследования, направленные на поиск фактов в пользу или против гипотезы лингвистической относительности, *подтвердили существование корреляции между языком и представлениями*, но не причинно-следственную связь, т.е. слабую версию гипотезы⁴. В исследованиях Лэнтц и Стеффлре⁵ было показано, что при описании цветовых тонов (коммуницировании информации), свободное использование языка позволяет преодолевать ограниченность цветового словаря. Был сделан вывод: с точки зрения познания *важнее употребление языка*, а не набор фиксированных значений. Субъект может *создавать новые описания* стимулов для их успешного кодирования, запоминания и коммуникации. Это положение стало одним из принципиальных тезисов против гипотезы Сепира-Уорфа. Исследование Лэнтц и Стеффлре показало «ограниченность попыток соотносить познавательную деятельность с одними лишь *статистическими* характеристиками языка, не учитывая тех динамических функций, которые язык может выполнять в различных ситуациях решения задачи»⁶. В связи с динамикой языка в его коммуникативной функции, т.е. в употреблении, обнаруживается продуктивность языка при выработке новых средств описания реальности.

Среди выводов Б.Л. Уорфа в пользу сильной версии гипотезы лингвистической относительности есть положение о тождестве языка и онтологии (картины мира). Уорф полагал, например, что существование в английском языке категорий «времени», «пространства», «субстанции» и «материи» указывает на специфическую метафизику, лежащую в основе мировоззрения носителей языка. У индейцев хопи лексический набор здесь другой – нет ни

² Уорф, Б.Л. Наука и языкознание / Языки как образ мира/ Б.Л. Уорф. – М.-СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 214.

³ Там же. – С. 209.

⁴ Brown, R.W., Lenneberg, E.H. A Study in Language and Cognition/ R.W. Brown, E.H. Lenneberg // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1954 – V. 49 (3); Lenneberg, E.H., Roberts, J.R. The Language of Experience: a Study in Methodology/ E.H. Lenneberg, J.R. Roberts // International journal of American linguistics. – 1956. – № 22; Lenneberg, E.H. Color Naming, Color Recognition, Color Discrimination: A Re-appraisal/ E.H. Lenneberg // Perceptual and Motor Skills. – 1961. – V. 12; Carroll, J.B., Casagrande, J.B. The function of language classification in behavior / Readings in social psychology/ J.B. Carroll, J.B. Casagrande; E.E. Maccoby, T. Newcomb, E.L. Hartley (eds.). – N-Y, Methuen. – 1958.

⁵ Lantz, D., Steffle, V. Language and cognition revisited/ D. Lantz, V. Steffle // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1964. – V. 69 (5).

⁶ Коул, М., Скрибнер, С. Культура и мышление/ М. Коул, С. Скрибнер. – М.: Прогресс, 1977. – С. 64-65.

формально выраженной, ни скрытой категории времени, также как нет и привычного для нас противопоставления времени и пространства. Зато есть «две большие космические формы, которые в первом приближении можно назвать ПРОЯВЛЕННОЙ и ПРОЯВЛЯЕМОЙ (или НЕОЧЕВИДНОЙ/НЕЯВНОЙ) или, опять-таки, ОБЪЕКТИВНОЙ и СУБЪЕКТИВНОЙ. Объективное или проявленное включает в себя все, что доступно чувством сейчас или в прошлом, исторический и физический универсум, но, фактически, без попыток различения на настоящее и прошлое и при исключении всего того, что мы бы могли назвать будущим»⁷. Время для них отражается в форме длительности. Это можно интерпретировать как наличие у хопи более конкретной, или натуральной онтологии в противоположность отвлеченной онтологии «среднеевропейского стандарта».

Отметим две вещи. Во-первых, язык хопи – это не просто качественно особое лингвистическое явление. В своей специфике он отражает довольно древние и неразвитые языковые формы, соответствующие *особенностям мифологического сознания*. На этой общей основе он гораздо ближе древним индоевропейским и другим языкам, чем это кажется самому Уорфу. Во-вторых, быть носителем языка вовсе не означает владеть целостной системой метафизических представлений. Примитивный человек не ставит перед собой онтологических вопросов на уровне философской метафизики. Во все не очевидно, что индеец хопи осознает те метафизические интерпретации, которые извлекает из его языка сам Уорф.

М.К. Петров пристально анализирует противоречивость выводов Уорфа применительно к связи языка и мировоззрения. Прежде всего, описание Уорфом лингвистических функций соответствует состоянию языка и грамматики в традиционном обществе, где они не становятся выделенным предметом умозрения и познания, оставаясь на «журденовском» уровне⁸. Он отталкивается от факта: *язык не осмысливается до конца его носителями* и делает на этой основе вывод о видимости различия логики и грамматики в мышлении субъектов. «Иными словами, речь для Уорфа навык среди навыков, и надеяться на осознание репродуктивных ее моментов – системы языка – столь же безнадежно, как и надеяться на осознание «логики» передвижения на двух ногах или «логики» письма. Программы здесь спрятаны «под корку», «забыты» в миллионных повторах, не могут быть осознаны без представления в предметной форме, без специальных усилий по выделению и закреплению этих программ в чем-то внешнем»⁹. Язык, с этой точки зрения, это неподвластная стихия, которая эманурует в общающихся друг с другом индивидах, – «грамматическая разумность», относительно которой индивид выступает в роли репродуктивного ретранслятора¹⁰. С другой стороны, образ Уорфа, по оценкам Петрова, есть отражение исторического итога европейской культурной традиции, которому предшествует длительное развитие.

Для М.К. Петрова появление гипотезы лингвистической относительности в версии Уорфа – это *парадигмальное событие в науке*. Она есть гносеологический, мировоззренческий и исторический венец европейской культурной традиции, *форма теоретического самосознания*. Связь языка с типом культуры обнаруживается, согласно Петрову, именно в работах Уорфа. Этот вывод вытекает из функции языка в исторической преемственности поколений: грамматика, по Уорфу, формирует мысль индивидов, несет в себе программу и руко-

⁷ Whorf, B.L. Language, thought, and reality/ B.L. Whorf. – MIT Press. – 1972. – P. 59. См. также: Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Языки как образ мира/ Б.Л. Уорф. – М.-СПб, 2003. – С. 180-182.

⁸ Петров, М.К. Язык и предмет истории философии / Петров, М.К. Историко-философские исследования / М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 146.

⁹ Там же. – С. 145.

¹⁰ Петров, М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы/ М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 297.

водство их мыслительной деятельности, выступает средством анализа и синтеза впечатлений¹¹. Такой ход от грамматики к мировоззрению отражает положение дел в европейской культурной традиции: космос Аристотеля построен по правилам флективного греческого языка. В других же культурах, и даже у греков доклассического периода, вероятно, такого отношения не существует¹².

2. Язык и мировоззрение в русле развития европейской культурной традиции.

В европейской культуре язык для большинства носителей ее традиции не выступает чисто в автоматизированной репродуктивной форме. Язык для Петрова – это, прежде всего, продуктивная деятельность, а речь – построение текста. При этом субъект этой деятельности работает не просто с языком, а с языком в его текстовой оформленности, т.е. на основе прежних текстов. Здесь Петров разворачивает основной плацдарм ухода от гипотезы Сепира-Уорфа – ответ на вопрос, откуда в сознании берется язык-система? «Таким образом, если мы принимаем как факт присутствия в нашем сознании языковой системы и зафиксированного в ней порядка, то мы должны автоматически принять и принцип относительности... И единственным способом отмежеваться от этого принципа относительности будет отрицательный ответ на вопрос о присутствии в сознании такой языковой системы»¹³. Петров полагает возможным дать такой отрицательный ответ.

С одной стороны, мы мыслим по аристотелевскому принципу отождествления способов сказывания о бытии и самого бытия, т.е. по принципу категориальности мира, коррелятивной грамматике родного языка. Уорф лишь дает современную теоретическую форму этого тождества. Вместе с тем, Петров отмечает, что «западная система мышления» неоднородна. Для нас привычна гетерогенность не только уровней мышления (обыденное, теоретическое), его предметной функциональности (практическое, абстрактно-логическое), но также и различие его текстового содержания – разных письменных канонов, таких как философия, искусство, наука и пр. Можно ли указать грамматику, выступающую моделью хотя бы современной научной картины мира?

Кроме этого, и даже в большей мере, Петрова интересует другое: осуществлен ли указанный аристотелевский принцип, равно как и лингвистическая относительность в версии Уорфа, на уровне повседневного общения и традиционных видов деятельности? Ведь речевое общение и трансляция социально необходимой деятельности с помощью знака не тождественны актам построения картины мира в том смысле, в каком этот процесс связан с языком в теории Уорфа. Картина мира – это форма транслируемого знания. В первобытных и традиционных культурах она образуется и осваивается поколениями не через категориальные опоры языка. Построение такой картины мира – это целенаправленная работа познания, *работа с самим знанием*, отличная от действия в ситуации стандартного общения.

Одно дело, *употребление языка* для решения задач общения, другое дело – обращение к языку как к средству решения познавательной задачи при построении картины мира. Такое обращение может диктоваться разными внелингвистическими обстоятельствами общения: 1) предметом и задачами деятельности; 2) субъективным фактором, например, ограничениями объемов кратковременной памяти; 3) уровнем общей языковой компетенции, тезаурусом, *состоянием языка* говорящих (тезаурусом истории их общения – T_0). Также для построения картины мира в соответствии с постулатами Аристотеля или принципом Уорфа требуется ал-

¹¹ Петров, М.К. Язык и предмет истории философии... – С. 143.

¹² Там же. – С. 144.

¹³ Петров, М.К. История европейской культурной традиции... – С. 301.

фавитная письменность, обеспечивающая существование текста, из которого можно изъять набор категорий¹⁴.

Принципиальным в представлениях Петрова о языке является включение текста внутрь систематического определения его сущности. Он стремится уйти от установившейся в науке дихотомии «язык-речь», восходящей к структурализму Соссюра. Согласно этой дихотомии язык – это система правил и словарь (алгоритмы и знаки), которая разворачивается в речевой деятельности индивидов. Различные подходы в лингвистике (в том числе и теория Уорфа) представляют собой попытки ответить на вопрос: как присутствует язык-система в сознании и деятельности индивидов, если учесть, что они не рождаются с этой системой, а усваивают ее на этапе первичной социализации «от 2 до 5»? Генеративная лингвистика Н. Хомского, утверждающая врожденный характер базовых логико-грамматических структур и правил трансформации, представляет собой экзотический возврат к картезианской парадигме врожденных идей, хотя и в этом случае дело все-таки касается необходимости превратить глупинную структуру в форму конкретного языка.

Классическая лингвистика придерживалась точки зрения на предложение как единицу языка. Если принять это положение, становится невозможным определение текста как явления языковой природы. Текст – это не просто сумма предложений, и эмпирически мы легко фиксируем различие простой суммы предложений и литературного текста. Именно тексты представляют нам многообразие неповторимых языковых явлений, т.е. речевую деятельность. Вне текстового бытия действие перестает быть речью, и только внутри этой определенности язык присутствует в качестве индивидуального багажа человека. Как было сказано, Петрова не удовлетворяет репродуктивный подход, где язык – это система, которая воспроизводится в речи. Проблемы машинного перевода связаны именно с наличием смысловой, качественной уникальности актов речевой деятельности. Существует нелингвистический источник, выступающий причиной конкретного текста.

По сути все упирается в вопрос: *почему люди говорят?* Потому что они коллективным образом взаимодействуют с природой, и условия эффективности этого взаимодействия связаны с необходимостью транслировать из поколения в поколение средства и форму деятельности. Люди производят тексты и оперируют текстами. Однако, текст – это целостность качественных (содержательных) различий, а не только количественных (простых) единиц. Вывести конкретный текст по формально-логическим и статистическим признакам языка едва ли удастся. Для его организации и распределения единиц *требуется нелингвистический источник*¹⁵.

Информант, читатель, слушатель – это один из нелингвистических источников. Он обладает суммой знаний и логическим мышлением, на который ориентирован текст. Однако смысловые характеристики текста вырастают не из этого источника, точнее, не только из него. Объяснить язык, значит *объяснить генезис и функцию значения*. Значение возникает в стихии общения и образует обобщенное содержание слова, термина, высказывания. Единство общения и обобщения – принцип, предложенный Л.С. Выготским – стал методологическим основанием для рассмотрения динамики знаковой функции культуры. Знак не просто приобретает значение и выступает средством внешнего и внутреннего опосредствования психических процессов. Его значение развивается под действием практического охвата людьми объективного содержания, отражаемого в культурных формах и языке. «*Человек в функции творца, способного создавать новое, непредсказуемое и неповторимое, оказался неустраним из языка*»¹⁶.

¹⁴ Там же. – С. 303.

¹⁵ Петров, М.К. Язык и предмет истории философии... – С. 121.

¹⁶ Там же. – С. 128.

Необходимо отметить, что творческая природа человека в контексте научных вопросов – это примета XX века. Продуктивность как сущностная черта человека и его деятельности не была ограничена только экономическим производством и искусством. В физиологии Н.А. Бернштейн предложил теорию навыка как *решения двигательной задачи*, отвергнув бихевиоризм, для которого отточено движение – это цепочка рефлексов, закрепленных многочисленными повторами¹⁷. Любое живое движение, по Бернштейну, уникально, ибо всегда уникальны его условия. Так уникальна повседневная ходьба, которая не есть механическая штамповка заученных шагов.

В психологии мышления был сделан вывод о невозможности редукции процессов решения задачи и построения идеальных схем предмета к репродукции прошлого опыта. *Эффект установки в мышлении*, проверенный в классических экспериментах супругов Лачинс, раскрывает нам тенденцию к ригидности и затруднению в поиске адекватных решений, опираясь только на привычные и усвоенные модели¹⁸.

В обществознании и в социологии науки, в частности, человек-творец выступает в качестве непредсказуемой индивидуации общественного и культурного потенциала родоисторического человека. *А личность в истории* – это, прежде всего, квинтэссенция противоречий исторического развития.

Петров часто подчеркивает, что в естествознании эмпирический факт и его наблюдение выводимы из теории. Строго говоря, таковы факты нечеловекообразной предметности. В поле гуманитарных наук, где человек смотрит на предмет в размерности бытия личности, такая однозначная выводимость исчезает. В лингвистике текст всегда нов и уникален. Выводимы его определенные формально-языковые признаки, но не смысловые или содержательные. При этом все такие формальные и статистические элементы, вроде частоты распределения термина или его контекстуального обрамления, не объясняют, как порождается текст.

Если текст и его статистические параметры исчерпывающим образом определяют дальнейшее речепроизводство, то говорящий – ретранслятор трансцендентальной силы¹⁹, действующей по правилам языка. В этой модели древние осмысливали ритуальные и эпические функции поэтов, грамматистов и жрецов. В ином случае человек – самодостаточный творец текста. Основа его деятельности – живое общение, а тексты – лишь омертвленные в знаке результаты этого общения²⁰. Впрочем, уже и древнейшая ритуальная сущность слова была осознана именно как творческая сила, с помощью которой происходит правильное (грамотное) возобновление мира, восстановление его исходных сакральных опор²¹.

¹⁷ Бернштейн, Н.А. О ловкости и ее развитии/ Н.А. Бернштейн. – М.: Физкультура и спорт, 1991.

¹⁸ Luchins, A.S. Mechanization in Problem Solving/ A.S. Luchins // Psychological Monographs, 1942. – V. 54 (248); Лачинс, А., Лачинс, Э. Установка в мышлении / Психология мышления. Хрестоматия по психологии/ А. Лачинс, Э. Лачинс; ред.: Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Ф. Спиридонова, М.В. Фаликман, В.В. Петухова. – М.: Астрель, 2008.

¹⁹ Петров, М.К. Язык и предмет истории философии... – С. 136.

²⁰ Там же. – С. 137.

²¹ В.Н. Топоров выделил следующие особенности структуры космологических текстов, задействованных в ритуале: «1) построение текста как ответа (или серии ответов) на некий вопрос; членение текста, заданное описание в акте творения событий, которые отражают последовательность временных отрезков с указанием начала; 3) описание последовательной организации пространства (в направлении извне внутрь); 4) введение операции порождения для перехода от одного этапа творения к другому; 5) последовательное нисхождение – «оплотнение» от космического и божественного к «историческому» и человеческому (как следствие – совмещение последнего члена космологического ряда с первым членом исторического (или хотя бы квазиисторического)); 7) указание правил социального поведения, в частности и нередко – правил брачных отношений для членов данного коллектива и, следовательно, схем родства» (Топоров, В.Н. О ритуале / Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках/ В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1988. – С. 10. Цитата сохраняет авторскую нумерацию). Отношение языка к древнему ритуалу осмысленно. В ряде традиций «грамматик» входит

«Поведение текста, который поддается сегментации, переводу в систему формальных универсалий, но не поддается «перерождению» в новые тексты, приводит к заключению, что в речевой деятельности присутствует на правах определителя и *результат общения*, что речевая деятельность отнюдь не представляет из себя, как это казалось Соссюру, нечто хаотическое и диссоциированное, а, напротив, выглядит деятельностью предметной, деятельностью во времени, которая направлена на результаты предшествующего общения, то есть предмет лингвистики в целом, если он взят по основанию речевой деятельности, выглядел бы не двучленной, а трехчленной структурой: система – речь – текст, где под текстом мы разумеем целостный результат предшествующего общения, по поводу которого только и возможна речь как действительная, ограниченная «настоящим» деятельность»²².

Для Петрова язык как нечто живое существует именно в тексте. Текст – это действительность речи, речь вне текста – абстракция. Так он пишет: «...из предложений вне текста и безотносительно к какому-либо из наличных текстов ни одно не образует факта языка, речевой деятельности»²³. *Текст выступает реальностью, относительно которой осуществляется речевая деятельность по правилам языка-системы. Это «относительно» принципиально, поскольку текст может являться непосредственным предметом речевой деятельности, а может выступать в опосредствующей функции, когда дело касается общения по поводу неязыковой предметности.*

Язык как система универсален для всех текстов данного языка (предметно коррелятивных или нет). Это набор правил связи нового (речь) с наличным (текст), что вовлекает словарь текста в операции переделки, но так, чтобы обеспечивалась преемственность²⁴. Однако речевая деятельность подчиняется не только языку. К условиям взаимодействия коммуникантов относятся и их субъектные характеристики, например ограничения кратковременной рабочей памяти (магическое число 7 ± 2 Дж. Миллера)²⁵, задействованной при восприятии и порождении речи.

3. Оценка методологического значения гипотезы лингвистической относительности.

Для оценки методологического значения гипотезы Сепира-Уорфа принципиально различие Петровым общения посредством языка и построения картины мира в опоре на определ-

---

в круг жрецов, и его функция – следить за правильностью речевой части ритуала. И жрец, и грамматик борются с хаосом. Оба строят образ мира. «По сути дела, грамматик совершает по отношению к тексту те же операции, что жрец по отношению к жертве. Они оба расчлениют, разъединят первоначальное единство, идентифицируют разъединенные его части, т.е. определяют их природу через установление системы отождествлений (в частности, с элементами макро- и микрокосма), синтезируют новое единство, не только артикулированное и организованное, но и осознанное через повторение и выраженное в слове, что придает достигнутому «вторичному» единству (усиленному) силу вечности (ср. мотив вечного, «неуничтожаемого» слова, непобедимого временем), с одной стороны, и большую структурность, лучшую воспринимаемость и, следовательно, возможность быть верифицируемым – с другой» (там же. С. 21). По этому вопросу см. также: Топоров, В.Н. Об «экзотропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) / От мифа к литературе/ В.Н. Топоров. – М.: Российский университет, 1993; Гринцер, П.А. Поэт в «Ригведе»: Kāvī́ и Kāṅvī́ / Фольклор и мифология Востока/ П.А. Гринцер. – М.: Наследие, 1999; Елизаренкова, Т.Я. Мир идей ариев Ригvedы / Ригveda. Мандалы V-VIII/ Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1999; Режабек, Е.Я. Мифомышление/ Е.Я. Режабек. – М.: Едиториал URSS, 2003.

²² Петров, М.К. Язык и предмет истории философии... – С. 131.

²³ Там же.

²⁴ Там же. – С. 132.

²⁵ Миллер, Д.А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию / Инженерная психология/ Д.А. Миллер; ред.: Д.Ю. Панова и В.П. Зинченко. – М.: Прогресс, 1964; Yngve, V.H. A Model and an Hypothesis for Language Structure/ V.H. Yngve // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1960. – V. 104 (5).

меченные грамматические структуры. Сам Уорф смешивает эти стороны, что делает его теорию несостоятельной.

Построение картины мира по принципу Аристотеля – это осознанный процесс, при этом для него требуется алфавитная письменность, распространившаяся у греков. Только в этом случае становится возможным изъятие грамматических правил и категорий как способов сказуемости. Вне этой культурно-исторической основы в сознании доминирует *знаковый фетишизм*, укорененный в спонтанный процесс усвоения языка ребенком, для которого слово есть атрибут или свойство вещи. Знак здесь не осознается как знак, ребенок пользуется знаком, но никогда не говорит о знаке. Однако, если бы слово было неотделимо от предмета, невозможно было бы развитие значений, смысловые сдвиги, которые обеспечиваются именно свободой знака относительно означаемого.

В традиционной культуре развитие значений происходит на внелингвистической основе. «Лингвистическое замыкание», произошедшее в европейской традиции, – это историческая аномалия, связанная с возникновением новой и уникальной двусубъектной модели деятельности. Ее субъекты – «лишние люди», маргиналы, вырванные из социальной структуры кровного и профессионально-семейного родства, в идеале владеющие лишь общностью языка и способностью к переквалификации в процессе жизни. Это необходимая субстанция универсально-понятийной формы социального кодирования, в которой перевернулась схема традиционного общества, в соответствии с которой индивид есть производная от функции социальной матрицы кровнородственного наследования и обмена. Теперь сама матрица наследования становится функцией вечно открытого для изменения, для нового, для взаимодействия с десакрализованным миром индивида, точнее групп индивидов, владеющих общим языком в его программирующем качестве. Человек, программируемый словом, выступает здесь как природа, как включенный в цикл вещественных метаморфоз предмет. Это обнажило универсальную коммуникативную функцию языка и его способность программировать деятельность ситуативным, а не каноническим способом. *Универсальное кодирование* знания основано на «тождестве лингвистического и бытийного» и типично «для обществ, испытавших унифицирующее и нивелирующее влияние античной философии, христианства, церкви, а позднее и того, что Энгельс называл «научной формой познания природы»²⁶.

В рамках вопроса о лингвистическом замыкании в европейской культурной традиции обнажается латентная в ином случае функция субъекта – быть вместилищем общезначимых схем поведения и, одновременно содержательное безразличие этим схемам, способность эти схемы извлекать извне. Язык оказывается центральным звеном – средством и коммуникации (программирования дела), и трансляции (переведения знания в мировоззрение), и трансмутации (выражения нового знания в отчуждаемой форме). В языке человек обнаруживает логику мышления, извлекает инвариантный категориальный аппарат (например, флективности греческого соответствуют категории субстанции, движения, а аналитическому новоанглийскому – взаимодействие, причина и следствие). Родившаяся из языка мысль, порождает программу, текст, где грамматические и ассоциативные структуры, с одной стороны, оказываются универсальной формой фрагментации знания, а с другой – подчиняются связи текста и зафиксированной в нем предметности, выступающей поводом и причиной общения.

Другой срез лингвистического замыкания – социальный статус грамотности и письма. Демократизация письменного текста, общая грамотность обеспечивают человеку всеобщий доступ к природе и обществу как предмету своей деятельности (доступ к политическому управлению, к научному опыту).

²⁶ Петров, М.К. Язык и мировоззрение / Петров, М.К. Историко-философские исследования / М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 200.

Знаковый фетишизм – это историческая характеристика социальной сущности человека. «Лишь новое время с появлением опытной науки начало критику знакового фетишизма как такового, но критику одностороннюю, для «избранных», в которой само творчество рассматривалось как удел немногих «гениев», «всемирно-исторических личностей». Полученный современной лингвистикой результат просто и убедительно показывает, что творчество, изменение знаковых структур, такая же общечеловеческая функция, как и многое другое: любой способный к речи, а речью владеют все, «приговорен» тем самым к творчеству, либо творит, либо молчит»²⁷.

В научной картине мира и системе теоретического понятийного знания текст как целостная система обнаруживает действие неведомых прежде правил. Строго говоря, это обстоятельство было выделено уже Гегелем, для которого рассудочное определение понятий недостаточно выражало логическую природу мысли. «То новое, с чем мы столкнулись и сталкиваемся сегодня в европейской культурной традиции, можно объяснить как процесс взаимной экспликации языка системы и научно-дисциплинарной деятельности»²⁸.

Исходно в античности произошло *разделение слова и вещи* через их различение в движении познающего мышления. Потом возникло лингвистическое замыкание, когда реальность языка и вербальная репрезентация действительности стали источником рефлексии познающего субъекта. Категории как рассудочные формы мысли были выделены Аристотелем именно из языковой стихии. При этом самим Аристотелем двигал интерес к поиску всеобщей структуры средств построения адекватного высказывания о чувственной предметной реальности. И только в 20 веке данная проблема предстала не просто в ракурсе отношения слова или высказывания к действительности, а как проблема различия знаковой системы (языка) и внеязыковой реальности. Однако именно такая постановка вопроса, как кажется, трактуется Петровым как неадекватная, поскольку она не учитывает живое функционирование языка в обществе и, как следствие, условия возникновения потребности в его рефлексии²⁹.

Язык выполняет апперцептирующую функцию интеграции материала общения в единство мировоззрения. Он одновременно действует в двух направлениях: с одной стороны язык избыточен, а новые тексты все более многообразны относительно прошлого; с другой стороны, социальная функция кода заставляет язык работать в направлении постредакции, т.е. перманентно обрабатывать тексты, обеспечивая их сжатие и приемлемую упаковку для трансляции. Отсюда возникает когнитивная функция языка для целенаправленной деятельности познания. Теоретическое мышление должно проработать знаковую форму репрезентации знания и отрефлексировать этот инструмент. Это и происходит у Аристотеля. «Мы придерживаемся того мнения, что логика связана с формализмом языка-системы, что опирающиеся на лингвистический формализм фигуры мысли – явление историческое, связанное с отождествлением формы и содержания, что они продукт опредмечивания грамматики, превращения ее правил в категории – связи целостности, что, наконец, все это произошло как результат крушения профессионализма и появления нового, универсального типа культуры»³⁰.

²⁷ Петров, М.К. Язык и предмет истории философии... – С. 141.

²⁸ Петров, М.К. История европейской культурной традиции... – С. 304.

²⁹ Анализируя точку зрения на язык Шлейхера и Гумбольдта, Петров, помимо прочего, отмечает: «То, что мы действительно отрицаем, – это правомерность выделения отношения язык-мышление в исходную, доминирующую функцию. Для нас она вторична: язык нужен, прежде всего, для специализирующего кодирования индивидов, а язык в функции звукового воплощения процесса мышления нужен лишь постольку, поскольку в процессах специализирующего кодирования приходится мыслить как в нормальных статических условиях развода индивидов по известным адресам-фрагментам, так и особенно в условиях познания и освоения результатов познания, в условиях динамического переустройства этих адресов» (там же. – С. 297-298).

³⁰ Там же. – С. 152.

Формирование языка как универсального средства культуры и его рефлексии продиктовано обстоятельствами общения по поводу поддержания в смене поколений сложно дифференцированной системы деятельности. Это общение, с одной стороны, развивается внутри образованного сообщества, представляя исторический тезаурус интеллектуалов (T_n), с другой – нагружено естественным процессом специализации, порождающей тезаурус дисциплинарного и группового взаимодействия (T_d и T_r). Синтезом исторических оснований и современного Петрову состояния онаученного общества выступает система всеобщего среднего образования, формирующая единый мировоззренческий базис – универсальный язык общения – T_y . «Является ли язык науки и язык тех, кто использует результаты научных исследований, двумя совершенно различными языками?»³¹. На этот вопрос Петров отвечает отрицательно: не являются.

Из этого вытекает то важное обстоятельство, что принцип Уорфа, утверждающий плюрализм картин мира, порожденных многообразием языков, неверен и для европейской традиции в ее современном онаученном качестве.

Наука реализует в своем движении две противоположные тенденции:

- стремление к единству понятийного аппарата, «языка теории»;
- специализацию и дифференциацию дисциплинарных тезаурусов и текстов.

И та, и другая тенденция объясняется событиями в области общения и социального воспроизводства средствами науки. Наука в европейской культуре являлась до последнего времени основной производительной силой, диктуя выработку культурного средства социализации своих результатов – образование. Неверно сужать культурную роль науки до ее университетского, лабораторного и публикационного качества. Форма научной социализации предполагает также субъекта, адаптированного к жизни в онаученном обществе в пространстве воспитания, труда и досуга.

На всех уровнях науки язык выступает центральным интегратором общения. Однако способ его использования диктуется, с одной стороны, универсумом усвоенных текстов, а с другой – внетекстовой предметностью, по поводу которой складывается общение и через охват которой происходит наращивание текста и тезаурусная динамика ключевых значений. «Изобретение телескопа, например, чтобы пройти путь от чечевиц-линз, от изобретенных неизвестным ремесленником «линз для чтения» в признанную теорию оптики (Кеплер, Спелл, Декарт, Ньютон), должно было получить сначала привязку в общеобязательных текстах T_n , а затем уже развиваться в теорию, существенно меняя ситуацию»³².

Какую же методологическую роль играет гипотеза лингвистической относительности в оценке Петровым европейской культурной традиции и ее мировоззрений? С одной стороны тождество мировоззрения и языка-системы означает признание плюрализма внутри европейской культуры: мировоззрений столько, сколько языков. Вместе с тем, очевидно, что для европейской культурной традиции характерен процесс исторической универсализации мировоззрений в их идеологической и познавательной заостренности – движение через философию и теологию к научной картине мира. Как связать тождество лингвистического и бытийного с универсальной функцией мировоззрения, учитывая, что для иных форм социального кодирования – профессионального и личностно-именного – такая модель тождества вовсе не имеет места?

Это объясняется тем, что универсализация лингвистических категорий, лежащих в фундаменте картины мира, достигается не средствами повседневного общения, а целенаправленным анализом языка, его рефлексией. При этом задача познания может быть обозначена

³¹ Петров, М.К. История европейской культурной традиции... – С. 351352.

³² Там же. – С. 388.

как целенаправленное превращение языковой репрезентации мира в форму объективного знания, обеспеченного категориальным аппаратом и логикой теоретического мышления. Что является социальным базисом такого превращения? Возрастное движение индивидов как интегрирующее основание «сохранения человеческой метрики познания в условиях нечеловекообразных потоков новых результатов»³³. Это один из центральных принципов предложенной Петровым *частной теории лингвистической относительности*, описывающей внутреннее отношение между языком, общением и социальным воспроизводством: рост знания и усложнения деятельности ведет к поиску интегрального начала, функцию которого берет на себя язык – естественный и искусственный. При этом грамматические категории языка, согласно Петрову, выступают здесь не в роли строительного материала «картины мира», а как «арсеналы универсальных правил» для такого построения. Будет ли использован категориальный потенциал какого-либо языка в такой функции, зависит от культурноисторических обстоятельств. Мифологическое мировоззрение первобытного общества очевидно некатегориально, хотя и репрезентировано в вербальной форме. Категориальная техника построения картины мира воплощена в постулате Аристотеля, создавшего на основе грамматики греческого языка единый базис познавательной рефлексии.

Невозможность исключить субъекта из текущего динамического тезауруса делает попытки построения *общей теории лингвистической относительности* методологически несостоятельными. Идея языковой детерминации мира и мышления не справляется с объяснением тезаурусной динамики. Язык принадлежит сообществу и его деятельности. Он предполагает в своем живом функционировании субъективно определенную истинность, присутствие автора. Тем самым, оценка Петровым гипотезы Сепира-Уорфа на историческом и науковедческом материале подтверждает выводы Лэнтц и Стэффлре о первичности задач общения по отношению к языку и сближается с предложенным П. Тульвисте принципом *деятельностной относительности*³⁴, объясняющим различие и взаимосвязь языка и мышления.

³³ Там же. – С. 362.

³⁴ Тульвисте, П. О лингвистической и деятельной относительности / Проблемы познания и деятельности. Ученые записки Тартуского Государственного Университета. Труды по психологии/ П. Тульвисте. – Тарту, 1981. – № 569.